

RU

«Человек одержимый»: природа зла и отчуждения в романах Х. Селби «Бес» и Б. И. Эллиса «Американский психопат»

Вихрова К. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики художественного осмысления природы зла и экзистенциального отчуждения в романах Х. Селби «Бес» и Б. И. Эллиса «Американский психопат». Сопоставительный анализ данных произведений до настоящего времени не предпринимался, хотя в литературной критике неоднократно отмечались их сюжетно-мотивные параллели и общая направленность на развенчание «американской мечты». В статье проводится последовательный анализ романов: прослеживается развитие одержимости центрального персонажа «Беса» от навязчивых импульсов до духовного коллапса; выявляются социально конструируемые категории симуляции и исчезновения субъекта в «Американском психопате»; устанавливаются нарративные и философско-религиозные точки соприкосновения и различий между внешне схожими персонажами исследуемых текстов. Научная новизна исследования состоит в выявлении модели экзистенциального отчуждения, объединяющей романы: внутренний, онтологический механизм деградации личности в «Бесе» коррелирует с внешним, симулятивным обезличиванием в «Американском психопате». Полученные результаты показали, что романы формируют комплементарную концепцию репрезентации зла в американской литературе конца XX в.: у Селби оно укоренено в структуре субъекта, переживающего чувство богооставленности, а у Эллиса выступает продуктом медийно-симулятивной среды.

EN

“A man obsessed”: the nature of evil and alienation in Hubert Selby Jr.’s “Last Exit to Brooklyn” and Bret Easton Ellis’s “American Psycho”

K. A. Vikhrova

Abstract. The research aims to identify the specifics of the artistic interpretation of the nature of evil and existential alienation in Hubert Selby Jr.’s novel “Last Exit to Brooklyn” and Bret Easton Ellis’s novel “American Psycho”. A comparative analysis of these works has not been undertaken to date, although their plot and thematic parallels and their shared aim of debunking the American Dream have been repeatedly noted in literary criticism. The article presents a sequential analysis of the novels: it traces the development of the protagonist’s obsession in “Last Exit to Brooklyn” from intrusive impulses to spiritual collapse; it identifies the socially constructed categories of simulation and the disappearance of the subject in “American Psycho”; and it establishes the narrative and philosophical-religious points of convergence and divergence between the outwardly similar characters of the studied texts. The scientific originality of the research lies in identifying a model of existential alienation that unites the novels: the internal, ontological mechanism of personality degradation in “Last Exit to Brooklyn” correlates with external, simulational depersonalization in “American Psycho”. The obtained results demonstrate that the novels form a complementary concept for the representation of evil in late 20th-century American literature: in Selby’s work, evil is rooted in the structure of the subject experiencing a sense of God-abandonment, while in Ellis’s work, it emerges as a product of the media-simulational environment.

Введение

Провокационные романы «Бес» Хьюберта Селби и «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, разоблачающие «американскую мечту», разделяет полтора десятилетия: первый был опубликован в 1976 г., второй – в 1991 г. Оба произведения стали знаковыми в контексте изображения американского высшего среднего класса конца XX в. Хотя критики отмечают значительные сходства между «Бесом» и «Американским психопатом» – прежде всего в контексте сюжетных решений (Evans, 2016), – нет документальных свидетельств, что Эллис читал текст Селби. Примечательно также отсутствие в литературоведении комплексного сопоставительного анализа этих произведений.

Актуальность исследования обусловлена возросшим в последнее десятилетие вниманием ученых к творчеству Селби (Muniowski, 2016; Sabir, 2024; AlGhufauli, 2025) и Эллиса (Lee, 2023; Messier, 2023; Leggatt, 2025; Parreno, 2025) и необходимостью осмысления различий в их художественных стратегиях, которые в существующих исследованиях зависимостей и свободы нередко сводятся к общим аналитическим категориям (Bowers, 2009; Schenk, 2022).

Актуальность исследования также определяется устойчивым интересом читательской аудитории к анализируемым романам, что подтверждается их многочисленными переизданиями. Характерно, что популярности «Американского психопата» во многом способствовала одноименная экранизация режиссера М. Харрон с К. Бэйлом в главной роли: фильм стал культурным феноменом, породив серию интернет-мемов и иронических шаблонов (Zavaleta, 2022), отражающих растущее ощущение внутренней пустоты в обществе потребления (Прозоров, 2007, с. 38).

Оба романа моделируют ключевые антропологические проблемы современности – экзистенциальное отчуждение и разрушение субъектности, – которые приобретают особую значимость в контексте актуальных гуманитарных исследований, ориентированных на анализ последствий позднего капитализма и кризиса идентичности (Бодрийяр, 2015). Обращение к «Бесу» Селби и «Американскому психопату» Эллиса позволяет рассмотреть фундаментальные механизмы целой констелляции экзистенциальных рисков, включающих зависимость субъекта от социально транслируемых моделей успеха и потребления и исчезновение границы между реальностью и симуляцией.

Кроме того, сопоставление этих произведений оказывается актуальным и в контексте религиозно-философских поисков американской литературы. Современное состояние культуры, характеризующееся глобализацией и постсекулярностью (Прозоров, 2007), подчеркивает потребность в исследовании художественных моделей, описывающих человека, утратившего внутреннюю цельность, поскольку позволяет увидеть истоки моральной неопределенности.

Материалом исследования служат романы Х. Селби «Бес» (2017) и Б. И. Эллиса «Американский психопат» (2023). В качестве контекстуального поля привлекаются интервью с Селби (O'Brien, 1981) и Эллисом (Williams, 2020).

Примечательна отчетливая асимметрия объема исследований, посвященных «Бесу» и «Американскому психопату». Среди произведений Селби внимание ученых главным образом сосредоточено на романе «Реквием по мечте», ставшем известным в том числе благодаря одноименной экранизации 2000 г. режиссера Д. Аронофски. Тем не менее результаты существующих работ оказываются применимы и к другим романам писателя, поскольку его творчество демонстрирует отмеченную критиками (Giles, 1998) внутреннюю преемственность, в рамках которой персонажи функционируют в единой художественной системе.

Характерно, что исследователи предлагают несколько объяснительных моделей, позволяющих интерпретировать природу кризиса персонажей Селби. Так, анализируя «Реквием по мечте», М. А. аль-Гуфаули (AlGhufauli, 2025) трактует зависимости и одержимость навязчивыми идеями как следствие нарушений ранних привязанностей и хронической внутренней эмоциональной боли, А. Сабир (Sabir, 2024) – как результат кризиса маскулинной идентичности и экономической уязвимости. Л. Муниовский (Muniowski, 2016) предлагает прочтение в рамках психоаналитической теории Ж. Лакана и С. Жижека, объясняя кризис героев структурой недостижимого объекта желания. Н. Кодадади и Е. Шабанирад (Khodadadi, Shabanirad, 2015) рассматривают персонажей Селби через категорию аномии Э. Дюркгейма – состояния расхождения между декларируемыми культурными целями и доступностью законных средств их достижения. Примечательно, что сам Селби в интервью последовательно отвергал тенденцию переносить ответственность с персонажей на внешние инстанции (общество, Бога) и подчеркивал свою приверженность идее личной ответственности (O'Brien, 1981).

Исследовательская литература, посвященная роману Эллиса «Американский психопат», более обширна. Существенный корпус работ сосредоточен на проблеме соотношения реалистического и симулятивного уровней повествования (Weinreich, 2004; Lee, 2023). Важным направлением также является изучение эстетизации насилия, превращающей жестокость в элемент культурной репрезентации постмодернизма (Allué, 2002). Отдельный пласт научных работ посвящен тому, как экранизация романа передает его проблематику (Eldridge, 2008).

Теоретическую базу исследования составляют тексты, раскрывающие положения теории Ж. Бодрийяра (2015; 2020) о логике потребления и механизмах производства симулякров – знаковых репрезентаций, подменяющих реальность при позднем капитализме, и трактат Г. Дебора (2025) об «обществе спектакля», описывающий современность как пространство тотальной медиатизации, в котором социальные отношения опосредуются визуальными конструкциями. При анализе романов используются исследования творчества Селби в целом (AlGhufauli, 2025; Giles, 1998; Khodadadi, Shabanirad, 2015; Metcalf, 1981; Muniowski, 2016), а также труды, посвященные непосредственно роману Эллиса «Американский психопат» (Lee, 2023; Messier, 2023; Parreno, 2025; Serpell, 2014).

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- последовательно проанализировать образы главных героев, ключевые мотивы и стилистические особенности романов Х. Селби «Бес» и Б. И. Эллиса «Американский психопат»;
- выявить художественные механизмы репрезентации зла, кризиса субъектности, богооставленности и экзистенциального отчуждения в обоих текстах;
- сопоставить внутренние и внешние модели разрушения личности персонажей в романах.

В статье применяются следующие методы: метод системно-целостного и сопоставительного анализа. Метод системно-целостного анализа используется для многоаспектного исследования романов Селби и Эллиса и позволяет выделить ключевые элементы поэтики текстов. Компаративный анализ дает возможность сопоставить романы и выявить структурные, мотивные и философские параллели и различия между представленными в них художественными моделями отчуждения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов на лекционных и практических занятиях в рамках курса современной литературы США. В целом сопоставление романов Селби и Эллиса позволяет не только расширить представление о типологии «демонических» персонажей в американской прозе, но и осмыслить глубинные духовные и социальные процессы, формирующие культурный ландшафт конца XX в.

Обсуждение и результаты

Роман «Бес» существенно отличается от ранних произведений Селби. В отличие от «Последнего поворота на Бруклин», в нем более традиционный, линейный сюжет, сосредоточенный на социально-экономическом восхождении и симметричном духовном и морально-этическом крахе Гарри Уайта. Нарративная структура текста гораздо более конвенциональна, чем в «Последнем повороте на Бруклин»: Селби чередует повествование от третьего лица и фрагменты внутреннего монолога Гарри, но избегает фрагментарности и дробности, характерных для его экспериментальной прозы 1960-х (Giles, 1998). В «Бесе» действие переносится из мира городских маргиналов в сферу высшего среднего класса, но при этом не меняются типичные для текстов Селби мотивы стирания субъектности, отчуждения, богооставленности, деградации.

Критики отмечали в «Бесе» композиционную упрощенность и несовершенство стиля письма (в сравнении с «Последним поворотом на Бруклин») и сомневались в убедительности изображения высшего среднего класса. Однако, как показывает Дж. Р. Джайлз (Giles, 1998, p. 72-74), роман и не стремился к социологическому реализму. Селби использовал буржуазный антураж не как предмет миметического воспроизведения, а как художественную лабораторию для более глубокого исследования морально-этического падения и деградации.

Важнейшей объяснительной матрицей «Беса» становятся эпиграфы, прежде всего: «Человек одержимый есть человек, одержимый бесом» (Селби, 2017, с. 6). В начале романа навязчивые желания препятствуют лишь профессиональному росту Уайта: он увлечен мимолетными сексуальными связями, каждый обеденный перерыв задерживается и не может сосредоточиться на деле. Особенность этой склонности состоит в том, что Гарри привлекают исключительно замужние дамы: так появляется опасность быть застигнутым врасплох их супругами, и именно волнение от риска разоблачения будоражит героя. Иными словами, данная практика оказывается выражением патологического цикла желания, стыда и потребности в наказании.

Поначалу Гарри удается себя контролировать: так, он отказывается переезжать от родителей из страха оказаться предоставленным самому себе, поскольку «соблазн имеет свойство обрушиваться на тебя, когда ты менее всего к этому готов, когда ты неспособен перебороть его или отвергнуть» (Селби, 2017, с. 13). Однако, «желая повышения и денег, собственности и престижа» (Селби, 2017, с. 27), герой вынужден изменить образ жизни: когда его начальник объясняет, что Гарри обошли повышением из-за отсутствия эмоциональной зрелости, предполагающей способность к стабильным семейным отношениям, тот решает жениться. На время любовь прекрасной Линды упорядочивает повседневную жизнь Гарри, позволяя ему подняться по карьерной лестнице. Однако стабильность вскоре превращается в удушающее ограничение: внутренний «бес» возвращается с удвоенной силой, разрушая брак и способность Гарри к самоконтролю. Его патологическая потребность в трансгрессии – ключевой мотив прозы Селби – усиливается, пока не становится ведущим принципом поведения.

Под действием внутреннего «беса» Гарри Уайт последовательно предается смертным грехам. Ключевой оказывается гордыня, поскольку он убежден в своем превосходстве над нравственными законами. Гарри прелюбодействует, интерпретируя внебрачные связи как свой «подарок» любовницам и тем самым рационализируя зло. Пресытившись, он начинает совершать кражи – сначала мелкие (вроде монет из столов подчиненных), затем более серьезные (включая похищение увесистой пишущей машинки); ничего из украденного ему не нужно: героя интересует само преступление. Гарри проявляет алчность и зависть, когда он болезненно реагирует на профессиональные успехи коллег и стремится к повышению по службе ради символического превосходства. Наконец, в перерывах между эпизодами наваждений герой подвержен унынию и апатии: он фактически лишается воли к действию и страдает даже физически; болезненные ощущения преследуют его как до совершения преступлений, так и после – из-за страха разоблачения. Кульминацией метафорического катасиса Гарри Уайта становится убийство кардинала Летермана. Жертва не вызывает у героя ревность, не представляет угрозу его статусу; убить кардинала приказывает внутренняя иррациональная сила.

На уровне религиозной символики в «Бесе» выстраивается типичная для текстов Селби модель богооставленности. Чаще всего имя Бога появляется в тексте, когда Гарри охватывают приступы паники. Многочисленные обращения героя к Богу демонстрируют напряжение между его отчаянной потребностью в трансцендентном и невозможностью преодолеть экзистенциальную изоляцию и отчуждение: «Господи Иисусе, неужели я, черт возьми, многого прошу» (Селби, 2017, с. 276). Частое сочетание упоминаний Бога и обсценной лексики указывает на амбивалентность отношения Уайта к сакральному: он одновременно стремится получить ответ и бунтует против молчания высшей инстанции. Выбор финальной жертвы (кардинала) и времени убийства (Пасха) выступает в качестве радикального акта протеста.

Вместе с тем мотив богооставленности в «Бесе» не тождественен отсутствию божественной инстанции. Он возникает как переживание радикальной недоступности Бога для субъекта из-за одержимости «бесом».

Когда Гарри Уайт теряет контроль над собой, его личность распадается, что в тексте оформлено приемом потока сознания: “he stretched his arms out to the side like a bird and leaned forward and slowly, slowly, slowly moved forward and down and split his crosslike reflection and shadow as he suddenly hit the cold water and the shock paralyzed him” (Selby, 2002, p. 311). / «[он] распротер руки точно птица и наклонился вперед и медленно, медленно,

медленно двигался вперед и вниз и расколос своё крестообразное отражение и тень внезапно врезавшись в холодную воду и шок парализовал его» (Селби, 2017, с. 376). Так роман превращается в трагедию духовной деградации, в которой человек, совершивший почти все смертные грехи, окончательно подчиняется «бесу».

Некоторые критики, включая П. Меткалфа (Metcalf, 1981, p. 364), рассматривают «Беса» как попытку Селби создать нравоучительный роман, подобно Мелвиллу, поскольку в нем духовный упадок персонажа соседствует с материальным успехом. Действительно, «Бес» обнажает тщетность капиталистических ценностей, демонстрируя, как американская приверженность внешнему успеху скрывает – и даже усиливает – внутреннюю пустоту и мучения. Однако ключевую роль в деградации Гарри Уайта играет внутренняя инстанция, «бес», патологическое стремление к трансгрессии.

Другой персонаж, осуществляющий метафорический катобасис, – главный герой романа Б. И. Эллиса «Американский психопат» Патрик Бэйтмен, молодой инвестиционный банкир с Уолл-стрит конца 1980-х, воплощение «яппи» рейгановской эпохи расцвета консьюмеризма, которую писатель эксплицитно критиковал в интервью (Williams, 2020). Жизнь Патрика протекает в череде увеселений в дорогих ресторанах и ночных клубах, выборе элитной одежды и занятиях в тренажерном зале. За глянцем будней проявляется его тайная темная сущность одержимого маньяка, наслаждающегося сценами жестоких убийств и садистских фантазий, которые Бэйтмен описывает с шокирующей кинематографичностью (Weinreich, 2004), вызвавшей шквал критики и попытки запретить роман (Messier, 2023, p. 77).

Несмотря на сравнительно простую структуру повествования преимущественно от первого лица с безличными рекламными описаниями популярной музыки, в романе выстраивается сложная система нарративной вариативности (Lee, 2023; Serpell, 2014, p. 195-229). Эллис конструирует героя, чья идентичность буквально отсутствует в социальном пространстве. Бэйтмен живет в мире тотальной взаимозаменяемости: его бесконечно путают с другими молодыми людьми (Эллис, 2023, с. 73, 110, 124); он сам не узнает собственных коллег (Эллис, 2023, с. 71); все мужчины его круга выглядят и говорят одинаково, посещают одни и те же места. Мотив постоянной путаницы имен и лиц становится способом стирания субъектности.

Описания насилия гиперболизированы и насыщены извращенно эстетизированными деталями; сам Бэйтмен не раз отмечает, что происходящее похоже на фильм, съемки которого он комментирует: «Камера медленно наезжает, и вот Прайс поднимается...» (Эллис, 2023, с. 15). Насилие превращается в визуальный образ: рекламные слоганы, названия телешоу, элементы музыкальных клипов, постоянные отсылки к массовой культуре демонстрируют иллюзорную природу мира; сам герой оказывается лишь «человеком в стрессе от окружающей банальности» (Parreno, 2025, p. 220; перевод выполнен автором статьи. – К. В.). Жестокость Бэйтмена встраивается в поток симуляций как еще один лишенный референции образ; морально-этический смысл растворяется в информационной энтропии: если все есть изображение, жестокость становится своеобразной игрой (Leggatt, 2025, p. 75-80). Даже финальное признание Бэйтмена в преступлениях превращается в бессмысленный шум: он оставляет запись на автоответчике, которую никто не слушает.

Эпизод погони, описанный от третьего лица (Эллис, 2023, с. 462-468), ближе к финалу обретает особую значимость: это единственные моменты, когда в персонаже проступает вытесненное человеческое. Бэйтмен начинает плакать, его речь становится бессвязной, он пытается признаться в преступлениях – и тем самым впервые демонстрирует способность к страданию. Эта истерика – маркер глубинного отчуждения, которое выходит за пределы социального плана и становится симптомом экзистенциального кризиса.

Кульминационные сюжетные несоответствия – живой Пол Оуэн, отсутствие женских тел в его квартире – не являются ошибками повествователя. Это структурные маркеры того, что насилие существует в психической реальности героя, а не в объективной. Эллис демонстрирует распад референциального слоя текста: ничто не подтверждает, что Бэйтмен совершает преступления в буквальном смысле, а не фантазирует о них. Об этом также свидетельствуют многочисленные отсылки к кинематографу и театру: «По дороге к “Губерту” здания представляются мне горами и вулканами, улицы – джунглями, небо кажется театральной декорацией <...>. Обед <...> оборачивается непрерывной галлюцинацией, во время которой я грежу наяву» (Эллис, 2023, с. 119). Эксплицитные оценки Патрика, которые дают его знакомые: «Бэйтмен – <...> такой пай-мальчик, что шутка твоя не удалась» (Эллис, 2023, с. 514), – также подчеркивают иллюзорный характер описываемых событий.

Образ Бэйтмена симулятивен: “There is an idea of a Patrick Bateman, some kind of abstraction, but there is no real me, only an entity, something illusory <...>: I simply am not there. It is hard for me to make sense on any given level. Myself is fabricated, an aberration. I am a noncontingent human being” (Ellis, 2011, p. 362). / «Существует представление о Патрике Бэйтмене, некая абстракция, но нет меня настоящего, только какая-то иллюзорная сущность <...>, – меня просто нет. Я не имею значения ни на каком уровне. Я – фальшивка, абберация, я – невозможный человек» (Эллис, 2023, с. 500). Эллис разрушает реалистическую перспективу повествования: его герой оказывается не столько убийцей в прямом смысле слова, сколько фигурой психического распада, погруженной в культуру симулякров, которая уничтожает возможность подлинного существования и толкает Патрика на ужасающие злодеяния, чтобы «притупить <...> пожирающую боль» (Эллис, 2023, с. 458). Преступления Бэйтмена теряют онтологическую определенность: если субъект растворен в окружающем поле симулякров, никакое действие не может быть актом субъективной воли.

В отличие от Гарри Уайта у Селби, внутренний «бес» которого является реальной движущей силой падения, у Бэйтмена нет подлинного разрушительного импульса. Его «зло» – конструкция, порожденная страхом полного исчезновения в массе социально стандартизированных тел. Преступления и фантазии о них – попытка подтвердить собственное существование в мире, наполненном каталогами брендов, обзорами ресторанов, описаниями ухода за телом, иными словами – онтологически пустом мире. Вместе с тем Бэйтмен стремится

к анонимности ради сокрытия мнимых или истинных преступлений: «...похоже, [Дентон] в ужасе, словно мое присутствие в чем-то его убеждает, словно он меня узнал, и это в свою очередь убивает меня» (Эллис, 2023, с. 125).

Грех в мире Бэйтмена – эстетизированная функция культуры потребления. Изобилие описаний роскошной еды не связано с наслаждением: изысканная пища – атрибут статуса, а не удовольствие. Даже в одиночестве Бэйтмен соблюдает этот ритуал, потому что правильная трапеза является частью образа. Сексуальные контакты также лишены страсти: женщины – зеркала, отражающие сконструированное «я», а секс предполагает не влечение, а самонаблюдение, перформанс. Жестокость выражается механическим воспроизведением сцен из фильмов ужасов и порнографии. Бэйтмен «разыгрывает» сексуальный акт и преступление, воспроизводит эстетически знакомые схемы.

Сравнение «Американского психопата» с «Бесом» Хьюберта Селби позволяет выявить фундаментальные различия в механизме отчуждения. В «Бесе» он выстраивается как внутренний «разрыв» субъекта: Гарри Уайт страдает от патологических влечений, фундаментального порока в структуре личности. Его падение – экзистенциальное нисхождение, в котором зло имеет статус внутренней реальности, а страдание – интенсивность и подлинность эмоционального опыта (вины, отчаяния, страха). Гарри не выдерживает противоречие между нравственным законом и преступными влечениями и морально, социально и физически разрушается не под давлением внешних инстанций, но под тяжестью собственной одержимости «бесом».

В тексте Эллиса, напротив, отчуждение имеет внешнюю, социальную, опосредованную природу. Патрик Бэйтмен сформирован культурой симулякров, стандартизированных практик потребления и визуальной гомогенности. Он составлен из брендов, телесных процедур, ритуалов успеха и нарративов массмедиа. В реалистическом модусе Бэйтмен – продукт среды, которая производит взаимозаменяемых субъектов и потому стирает границы индивидуальности, в фантазматическом модусе – жертва разрушенной реальности, компенсирующая отсутствующий внутренний опыт посредством галлюцинаторных сцен насилия. Там, где Уайт действительно совершает преступления, Бэйтмен может лишь создавать их как образы, потому что в мире симулякров сам опыт теряет определенность.

Отсюда вытекает фундаментальное различие типов зла. У Селби зло – акт, который имеет нравственный и экзистенциальный вес. У Эллиса зло – симуляция, эстетизированный жест. Если в «Бесе» герой теряет связь с собой и Богом, то в «Американском психопате» нет ни субъекта, ни трансцендентного адресата – лишь поток образов, в котором преступление утрачивает нравственную реальность и превращается в фрагмент визуального кода.

Таким образом, сравнение двух романов демонстрирует двоякую модель отчуждения: внутреннюю и онтологическую («Бес») и внешнюю и симулятивную («Американский психопат»). Обе модели фиксируют утрату устойчивой идентичности, но на разных уровнях: у Селби – это катастрофа духа, сдавшегося «бесу», у Эллиса – крах окружающей реальности под гнетом симуляции. Вместе они формируют целостную картину субъекта, чья связь с собой и миром оказывается подорванной.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. Последовательный анализ романов Хьюберта Селби «Бес» и Брета Истона Эллиса «Американский психопат» показывает, что в них формируются два типа повествования, посредством которых артикулируется разрушение субъекта. У Селби линейная структура, сочетающая внешнее повествование с фрагментами внутреннего монолога, служит средством демонстрации прогрессирующего духовного падения героя, тогда как у Эллиса нарративная неоднородность, соединяющая повествование от первого и третьего лица, рекламные вставки и элементы кинематографического дискурса, фиксирует распад референциальности как таковой.

Выявленные художественные механизмы репрезентации зла, кризиса субъектности, богооставленности и отчуждения позволяют говорить о принципиальном различии в моделях конструирования внутреннего мира персонажей. В романе Селби зло проявляется как внутренняя разрушительная сила, связанная с идеей одержимости и виной; отчуждение носит экзистенциальный характер и сопровождается религиозной проблематикой отсутствия связи с трансцендентным. В романе Эллиса зло предстает как эстетизированная симуляция, продукт культуры потребления; отчуждение имеет социальную природу и возникает как следствие стандартизации субъекта, разрушения различий и замены опыта визуальными кодами. В обоих текстах зафиксировано исчезновение устойчивой идентичности, однако процессы, ведущие к нему, принципиально различны.

Компаративный анализ внутренней и внешней моделей разрушения личности позволяет установить, что в художественной системе Селби распад личности обусловлен пороком внутренней природы и духовной катастрофой, тогда как у Эллиса – исчезновением субъекта в потоке симулякров. Таким образом, рассматриваемые произведения раскрывают разные, но тематически сопряженные варианты экзистенциального кризиса в американской литературе конца XX в.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно обозначить расширение круга произведений современной литературы США, в которых проявляются смежные формы кризиса субъектности и репрезентации зла. Особенно продуктивным представляется сопоставительный анализ романов Ч. Буковски и Ч. Паланика.

Материалы исследования | Research materials

1. Селби Х. Бес / пер. с англ. И. Карич. Тверь: Kolonna Publications, 2017.
2. Эллис Б. И. К. Американский психопат / пер. с англ. В. Ярцева, Т. Покидаевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.

3. Ellis B. E. *American Psycho*. L.: Picador, 2011.
4. O'Brien J. A Conversation with Hubert Selby // *The Review of Contemporary Fiction*. 1981. Vol. 12.
5. Selby H. Jr. *The Demon*. L.: Marion Boyars Publishers, 2002.
6. Williams M. An audience with Bret Easton Ellis (Interview with Bret E. Ellis) // *Square Mile*. 2020. <https://squaremile.com/culture/books/bret-easton-ellis-white-interview/>

Источники | References

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. Самарской. М.: Издательство АСТ, 2020.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. СПб.: Издательский дом Постум, 2015.
3. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса. М.: Издательство АСТ, 2025.
4. Прозоров В. В «экзистенциальной пропасти» потребления. Роман Б. И. Элліса «Американский психопат» // *Вопросы литературы*. 2007. № 6.
5. AlGhufauli M. A. Object relations theory as a means to understand the formation and development of drug addiction in "Requiem for a dream" by Hubert Selby Jr. // *Social Sciences & Humanities Open*. 2025. Vol. 12. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101849>
6. Allué S. B. The Aesthetics of Serial Killing: Working against Ethics in "The Silence of the Lambs" (1988) and "American Psycho" (1991) // *Atlantis*. 2002. Vol. 24. № 2.
7. Bowers A. L. "As Un-American as Rabies": Addiction and Identity in American Postwar Junkie Literature: PhD dis. Texas, 2009.
8. Eldridge D. The Generic American Psycho // *Journal of American Studies*. 2008. Vol. 42. № 1.
9. Evans Ch. Hubert Selby Jr: Dissecting the American Dream // *Medium*. 2016. <https://charlesevans.medium.com/hubert-selby-jr-dissecting-the-american-dream-a7f655f61777>
10. Giles J. R. *Understanding Hubert Selby, Jr.* Columbia: University of South Carolina Press, 1998.
11. Khodadadi N., Shabanirad E. A Study of Emile Durkheim's Concept of Anomie in Hubert Selby's Novel "Requiem for a Dream" // *International Letters of Social and Humanistic*. 2015. Vol. 62.
12. Lee S. S. Fiction As a Conversation: Unreliable Narrators, Pop Culture, and Violence in David Foster Wallace's "Girl with Curious Hair" and Bret Easton Ellis's "American Psycho" // *Hungarian Journal of English and American Studies*. 2023. Vol. 29. № 1.
13. Leggatt M. *Play in Utopian and Dystopian Fiction*. Liverpool: Liverpool University Press, 2025.
14. Messier V. P. *Errancies of Desire: Monstrous Masculinities across the Atlantic*. Syracuse: Syracuse University Press, 2023.
15. Metcalf P. Herman and Hubert: The Odd Couple // *Review of Contemporary Fiction*. 1981. Vol. 1. № 2.
16. Muniowski L. Urban Tensions. Hubert Selby Jr.'s "Last Exit to Brooklyn" // *Localities*. 2016. Vol. 5.
17. Pareno C. Entwined Spaces of Boredom, Desire, and Transgression // *Transgression in the Architectures of After-Modernity: A Paradigm at Work in Times of Crises* / ed. by C. Popescu. Leuven: Leuven University Press, 2025.
18. Sabir A. The Silent Suffering of Men: Exploring Mental Health and Exploitation in "Requiem for a Dream" by Hubert Selby Jr. through a Societal Lens // *Migration Letters*. 2024. Vol. 21. № S10.
19. Schenk S. *The Concept of the Game in American Literature: True Freedom and a Mistaken Idea of Freedom*. Berlin: Peter Lang GmbH; Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2022.
20. Serpell C. N. *Seven Modes of Uncertainty*. Cambridge: Harvard University Press, 2014.
21. Weinreich M. "Into the Void": The Hyperrealism of Simulation in Bret Easton Ellis's "American Psycho" // *Amerikastudien*. 2004. Vol. 49. № 1.
22. Zavaleta B. What's with "American Psycho" These Days? Why is it so popular and who's to blame? // *Medium*. 2022. <https://medium.com/@BZP/whats-with-american-psycho-these-days-77e2aefed85d>

Информация об авторах | Author information

Вихрова Ксения Александровна¹

¹ Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

Kseniya Aleksandrovna Vikhrova¹

¹ Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design

¹ r2654256@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.12.2025; опубликовано online (published online): 26.01.2026.

Ключевые слова (keywords): Хьюберт Селби; Брет Истон Эллис; образ экзистенциального отчуждения; американская мечта в художественной литературе; мотив богооставленности в литературе США; Hubert Selby Jr; Bret Easton Ellis; image of existential alienation; American Dream in fiction; motif of God-abandonment in US literature.